

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

Книги
Ричарда Матесона:

Куда приводят мечты

Я — легенда

Невероятный уменьшающийся человек

Нажмите кнопку

Ричард
Матесон

Я — ЛЕГЕНДА

•

НЕВЕРОЯТНЫЙ
УМЕНЬШАЮЩИЙСЯ
ЧЕЛОВЕК

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
М 34

Richard Matheson
I AM LEGEND
Copyright © 1995 by RXR, Inc.
THE SHRINKING MAN
Copyright © 1956 Richard Matheson,
renewed 1984 by Richard Matheson
All rights reserved

Перевод с английского
Светланы Силаковой («Я — легенда»),
Сергея Осипова («Невероятный уменьшающийся человек»)

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

Иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой

ISBN 978-5-389-21625-9

© С. В. Силакова, перевод, 1995
© С. Э. Осипов, перевод, 1993
© Издание на русском языке,
оформление,
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Я — ЛЕГЕНДА

*Генри Каттнеру,
с глубокой благодарностью за помощь
и моральную поддержку
при работе над этой книгой*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Январь 1976 года

1

В пасмурную погоду Роберт Невилл не мог высчитать, сколько времени осталось до захода солнца, и иногда «они» выбирались из своих укрытий раньше, чем Невилл успевал вернуться домой.

Будь Невилл склонен к аналитическим выкладкам, он мог бы вычислить ориентировочное время их появления; но он судил о приближении ночи по старинке — глядя на солнце. Однако в пасмурные дни этот способ не годился. Вот почему в такую погоду Невилл предпочитал не удаляться от дома.

Он обошел вокруг коттеджа, косясь на тускло-серое небо. Из уголка его рта торчала сигарета, дымок белой пьютью тянулся за плечом. Он осматривал каждое окно, проверяя, не расшатаны ли доски. После ожесточенных атак часто обнаруживалось много треснувших или висящих на одном гвозде планок. Их приходилось заменять новыми — препротивное занятие. Сегодня Невилл обнаружил только одну расшатавшую планку.

«Чудеса в решете», — подумал он.

На заднем дворе он проинспектировал теплицу и резервуар для дождевой воды. Иногда выходишь — а забор вокруг резервуара помят, желоба для сбора воды исковерканы или вообще валяются на земле. Иногда камни, которыми кидались «они», переле-

тали через высокую ограду теплицы, иногда в железной сетке, предохранявшей стекла, образовывались дыры; Невиллу приходилось заменять разбитые стекла.

Сегодня и резервуар, и теплица были целы.

Роберт Невилл пошел в дом за молотком и гвоздями. Толкнув дверь, мимоходом взглянул на свое кривое отражение в зеркале, покрытом трещинами. Это зеркало он укрепил здесь месяц назад. Недолго оно продержится — скоро осколки амальгамированного стекла начнут вываливаться из рамы.

«Ну и пускай», — подумал он.

Больше он не станет вешать на дверь зеркала. Овчинка выделки не стоит. А повесит он туда чеснок. Чеснок — средство верное.

Он медленно прошел через тихий сумрак гостиной, повернул по короткому коридору налево и еще раз налево — в спальню.

Когда-то — в другой жизни — комната была любовно обставлена. Теперь в ней властвовала практичность. Кровать и комод Невилла занимали совсем мало места, и он превратил часть спальни в мастерскую.

Вдоль всей стены тянулся верстак. На нем размещались тяжелая ленточная пила, токарный станок для работы по дереву, шлифовальный круг и тиски. На полках над верстаком валялись без всякой системы инструменты Роберта Невилла.

Он взял с верстака молоток, вытряхнул из банки на ладонь полдюжины гвоздей. Вышел наружу, крепко-накрепко прибил доску, лишние гвозди швырнул на кучу щебня.

Долго стоял на газоне перед домом, созерцая перспективу безмолвной Симаррон-стрит. Высокий тридцатипятилетний потомок немцев и англичан, он имел крайне непримечательную внешность, если не

считать крупных упрямых губ и пронзительно-голубых глаз. Сейчас его глаза лениво разглядывали обугленные руины — все, что осталось от домов по обе стороны от его коттеджа. Он сам сжег эти дома, чтобы «они» не могли перепрыгнуть на его крышу с соседских.

Спустя несколько минут Невилл, сделав глубокий, медленный вдох, вернулся в дом. Швырнул молоток на диван в гостиной, закурил новую сигарету, выпил свою обычную утреннюю стопочку.

Потом заставил себя пойти на кухню — убрать из раковины все, что накопилось за пять дней. Он знал, что также надо бы сжечь бумажные тарелки, стереть пыль с мебели, вымыть раковины, ванну и унитаз, сменить постельное белье, — но был совершенно не в настроении этим заниматься.

Потому что он был мужчиной и жил один, а для живущего в одиночестве мужчины такие мелочи не имеют никакого значения.

Близился полдень. Роберт Невилл собирал чеснок в теплице.

Сперва его мучило оттого, что приходится нюхать чеснок в таких количествах, что в животе постоянно бурлило. Теперь запах впитался в его дом, в одежду и, как порой чудилось Невиллу, даже в тело. Невилл уже практически перестал его замечать.

Набрав полную корзину головок, он вернулся в дом и высыпал чеснок в раковину. Щелкнул выключателем — лампа замигала, затем все же засияла ровным светом. Невилл раздосадованно присвистнул. Опять генератор капризничает. Придется снова раскрывать этот чертов учебник и проверять провода. А если с ремонтом будет слишком много возни, то и вовсе поставить новый генератор.

Он взял нож, сердито подтолкнул к раковине высокую табуретку и с усталым крихтением уселся на нее.

Вначале он разделил головки на маленькие серповидные зубчики. Затем разрезал каждый жесткий розовый зубчик надвое, обнажив мясистую сердцевину. По комнате разнесся резкий, едкий запах. Когда стало совсем нечем дышать, Невилл переключил кондиционер в режим вытяжки, и вонючий воздух улетучился.

Невилл взял с полки острую спицу. Проткнул каждую половинку, нанизал все кусочки на проводку. Получилось двадцать пять связок.

Сначала он вешал эти связки на окна. Но «они», стоя на безопасном расстоянии, швыряли в окна камнями, пока не пришлось заколотить разбитые рамы фанерой. В конце концов он отодрал фанеру и заколотил окна сверху донизу дощечками. Дом превратился в мрачный склеп, но лучше уж так, чем терпеть ежевечерний камнепад со стеклянным градом. А когда Невилл установил три кондиционера, жизнь стала вполне сносной. Человек к чему угодно способен привыкнуть — если не оставить ему другого выхода.

Доделав чесночные «бусы», Невилл вышел во двор. Снял с заколоченных окон старые, потерявшие свой чудодейственный запах связки, укрепил на их месте новые.

Эту операцию приходилось проделывать дважды в неделю. Чесночные «бусы» — его первая линия обороны и пребудут ею до тех пор, пока он не подыщет средство получше.

«Ах, линия обороны? — частенько всплывал в голове вопрос. — От чего обороняемся?»

Сегодня с полудня до самого вечера Невилл занимался изготовлением колеб.

Он делал их на токарном станке из толстых деревянных палок, предварительно распиленных на девятидюймовые заготовки; прижимал к бешено вращающемуся точильному кругу кончик каждого кола, пока тот не становился острее кипжала.

Работа была утомительной и монотонной, мелкие, пахнущие гарью опилки разлетались, облепляли кожу, застревая в ее порах, проникали в легкие, вызывая приступы кашля.

И конца-края этому не было. Сколько бы колев он ни делал, их запасы таяли на глазах. Когда-нибудь ему придется обтачивать прямоугольные деревянные.

«Тогда вообще не соскучишься!» — озлобленно подумал Невилл.

Это занятие нагоняло на него дикую тоску. Вообще-то, он давно поклялся себе, что придумает какой-нибудь другой способ уничтожить их. Но как тут что-то придумаешь, если они не дают ни малейшей возможности передохнуть и поразмыслить?

Возясь с кольями, Невилл слушал пластинки — Третью, Седьмую и Девятую симфонии Бетховена. Он был рад, что мать с детства научила его ценить такую музыку. Музыка помогала коротать время, заполняя ужасающий вакуум с утра и до утра.

Когда пробило четыре, он начал то и дело коситься на стальные часы. Он работал молча, сурово поджав губы, с сигаретой в уголке рта, уставившись на резец, гложущий дерево. От резца на пол сыпались струей мелкие опилки.

Четыре пятнадцать. Четыре тридцать. Без четверти пять.

Еще час, и эти мерзкие свиньи снова соберутся у дома. Как только погаснет солнечный свет.

Роберт Невилл стоял перед гигантской холодильной камерой, выбирая, чем бы поужинать. Его пресыщенный взгляд скользил по штабелям мясных полуфабрикатов, пакетам с замороженными овощами, полкам с хлебом и печеньем, фруктами и мороженым.

Он взял две телячьи отбивные, маленькую бабочку апельсинового шербета и упаковку бобов. Прижав продукты к груди, локтем захлопнул дверцу холодильника.

Потом подошел к неровным колоннам консервных банок, поднимавшимся до потолка. Взял банку томатного сока и покинул комнату, когда-то служившую спальней Кэти, а теперь обслуживающую его желудок.

Медленно прошел через гостиную, разглядывая фотообои. Непрístupный утес высился над синезеленым океаном, волны, вздымаясь, разбивались о черные скалы. В безоблачной голубизне высоко-высоко реяли белые чайки, справа, на краю пропасти росло искривленное дерево — его темный силуэт казался выгравированным на лучезарном небосводе.

Невилл вошел в кухню, кинул продукты на стол, косясь на часы. Двадцать минут шестого. Уже скоро.

Плеснул немного воды в кастрюльку, поставил ее на горелку. Положил отбивные на сковородку. Вода закипела, и он высыпал в кастрюльку мороженые бобы. Подумав, накрыл ее крышкой, рассудив, что генератор барахлит именно из-за прожорливой плиты.

Отрезал себе два ломтя хлеба, налил стакан томатного сока. Сел на табуретку, уставился на красную минутную стрелку, еле-еле ползущую по циферблату. Стервецы не заставят себя долго ждать.

Допив сок, вышел на крыльцо, пересек газон, подошел к воротам.

Смеркалось, холодало. Он глянул сначала в один конец Симаррон-стрит, потом в другой. Прохладный ветерок шевелил его светлые волосы. Какая мерзость — пасмурная погода: никогда точно не знаешь, когда именно они появятся.

Но все же лучше просто беда, чем пыльные бури, чтоб их... Передернув плечами, Невилл вернулся в дом, ступая прямо по газону, запер за собой дверь на замок, накинул крючки, задвинул массивный засов. На кухне перевернул отбивные, выключил плиту.

Накладывая еду на тарелку, вдруг замер, торопливо глянул на часы. Итак, сегодня началось в шесть двадцать пять.

— Выходи, Невилл! — заорал Бен Кортман.

Роберт Невилл, вздохнув, сел за стол и принялся за еду.

Он сидел в гостиной и пытался читать. Предварительно он наведился к серванту с маленьким встроенным баром и налил себе стакан виски с содовой. И теперь Невилл, вцепившись в холодный стакан, читал учебник физиологии. Усилитель, висящий над дверью в коридор, разрывался от оглушительной музыки Шёнберга.

И все равно недостаточно громко. Все равно их слышно: за дверью бормочут, бегают туда-сюда, вскрикивают, режут, дерутся между собой. Время от времени о стену глухо ударялся камень или кирпич. Иногда раздавался собачий лай.

И всех их привела сюда одна и та же цель.

Роберт Невилл на миг зажмурился, крепко закусив губу. Потом открыл глаза и закурил новую сигарету, глубоко затягивался дымом.

Жаль, что некогда запыться звукоизоляцией дома. Если бы не приходилось слышать их ор, было бы полегче. Эти вопли действовали ему на нервы даже теперь, на шестом месяце такой жизни.

Невилл больше не наблюдал за ними. Когда все еще только начиналось, он проделал глазок в окне, выходящем на улицу, и по вечерам смотрел в него. Но потом это заметили женщины и стали принимать непристойные позы, надеясь выманить его парку. Смотреть на такое ему совсем не хотелось.

Отложив книгу, он тупо уставился на ковер. Из усилителя лилась пьеса «Просветленная ночь». Он знал, что можно заткнуть уши ватой — тогда их не будет слышно. Но не будет слышна и музыка — а он не хотел лишний раз напоминать себе, что вынужден прятаться, как моллюск в раковине.

Невилл снова закрыл глаза.

«Женщины — вот из-за кого мне так погано», — подумал он. Бабы кривляются в почном мраке, как распутные марионетки, надеясь, что он соблазнится и выйдет.

Его передернуло. Каждый вечер одно и то же. Он читает и слушает музыку. Потом припимается строить планы звукоизоляции дома. Потом появляются мысли о бабах.

В глубинах его тела вновь что-то запульсировало, стало тепло, и Невилл крепко сжал побелевшие губы. Ощущение привычное, и как же мерзко, что с ним невозможно совладать. Это ощущение будет усиливаться и усиливаться, пока он не обнаружит, что на месте не сидится. Вскочит, начнет ходить из угла в угол, размахивая побелевшими от злости кулаками. Может быть, включит кинопроектор, или начнет обжираться, или напьется до чертиков, или врубит музыку так громко, что уши заболят. Когда становит-

ся по-настоящему худо, он должен хоть чем-то себя занять.

Невилл почувствовал, что мышцы живота напрягаются, точно сжатые пружины. Схватил книгу, попробовал читать вслух, медленно, через силу проговаривая каждое слово.

Но через минуту книга снова упала на колени. Он покосился на книжный шкаф в углу. Все собранные в этих томах знания не могут потушить пылающий в нем огонь; слова всех людей всех веков не могут совладать с бессловесным вожделением его плоти, которому никакой разум не указ.

От этого открытия его буквально начало мутить. Какое унижение для человека — разумного существа. Что ж, конечно, вожделение вложено в него природой, но теперь утолить эту потребность невозможно. Роберту Невиллу навязан обет целомудрия. Придется привыкать.

«У тебя ведь есть мозги? — спросил он себя. — Вот и пошевели ими!»

Привстав, он еще немножко прибавил громкость проигрывателя, затем заставил себя прочесть, не отвлекаясь, целую страницу. Он читал о том, как клетки крови просачиваются сквозь мембраны, как бесцветная лимфа переносит отходы организма по лимфатическим путям, читал о лимфоцитах и фагоцитах...

«...в области грудной клетки, у левого плеча, где впадает в одну из крупных вен кровеносной системы».

Книга полетела на пол.

Почему его не оставляют в покое? Неужели думают, что его тела хватит на поживу всем? Совсем сдурели? Зачем они таскаются сюда каждый вечер? Целых пять месяцев прошло, им давно пора плюнуть на него и отправиться на поиски другой добычи.

Роберт пошел к бару, палил себе еще стакап. Возвращаясь к креслу, услышал сквозь музыку знакомый шум: камни ударились о крышу, с грохотом скапывались по ней и падали в кустарник за домом. Но даже эту какофонию перекрывал голос Бена Кортмана, вопившего, как обычно:

— Выходи, Невилл!

«В один прекрасный день я доберусь до этого стервеца, — подумал он, выпив залпом полстакана горького виски. — Однажды я всажу кол в его поганую грудь. Я для него специальный кол заготовлю, длиной в фут, с ленточкой».

Завтра. Завтра он сделает в доме звукоизоляцию. Его пальцы с побелевшими костяшками сжались в кулаки. От мыслей про баб можно чокнуться. Если же он перестанет слышать эти голоса, то авось сумеет выкинуть их из головы. Завтра. Завтра.

Пластинка кончилась. Невилл снял с проигрывателя стопку прослушанных пластинок, стал рассовывать их по конвертам. Теперь шум с улицы казался еще громче. Он схватил первую попавшуюся пластинку, опустил на проигрыватель, вывернул ручку на полную катушку.

Его оглушил «Чумной год» Роджера Лея. Скрипки пицали и завывали, барабаны стучали глухо, как агонизирующее сердце, флейты выводили дикие, атональные мелодии.

Сорвавшись с места, Роберт Невилл в ярости схватил пластинку и переломил о колено. У него давно уже чесались на пее руки! Еле переставляя затекшие ноги, прошел на кухню, швырнул осколки в мусорный ящик. И застыл посреди темной кухни, крепко зажмурив глаза, стиснув зубы, заткнув уши.

«Отвяжитесь от меня, отвяжитесь, ОТВЯЖИТЕСЬ!»

Бесполезно — ночью с ними тягаться невозможно. Нечего и пробовать: в темное время суток их силы удесятерятся. Хватит делать глупости. Может, кино посмотреть? Нет, что-то неохота возиться с проектором. Он просто ляжет в постель, заткнув уши ватой. Вечер закончится точно так же, как все предыдущие.

Стараясь вообще ни о чем не думать, Роберт Невилл торопливо пробежал в спальню и разделся. Натянув пижамные штаны, отправился в ванную. Он всегда спал в одних штанах, голый до пояса — эта привычка осталась со времен войны, когда Невилл служил в Панаме.

Моясь, он смотрел в зеркало на свою широкую грудь. Темные волосы густо росли вокруг сосков, спускались дорожкой к пупку. Роберт смотрел на вычурный крест — тоже память о Панаме.

Как-то, по пьяному делу, он вытатуировал его у себя на груди.

«Совсем дурак был!» — подумал он теперь. Однако вполне возможно, что именно этот крест спас ему жизнь.

Он тщательно почистил зубы и прополоскал рот специальным эликсиром. Невилл старался заботиться о своих зубах — ведь теперь он сам себе дантист. Все остальное пусть горит синим пламенем, но здоровье...

«Тогда почему бы тебе не перестать травиться алкоголем? — спросил он себя. И сам себе ответил: — А почему бы тебе не заткнуться?»

Переходя из комнаты в комнату, выключал свет повсюду. Несколько минут всматривался в фотообои, пытаясь впунуть себе, что видит настоящая океан. Но разве самовнушение действует, когда ночь полнится стенаниями и воплями, ревом и грохотом, рыданиями и скрипами?

Невилл выключил в гостиной свет, вернулся в спальню.

Увидев, что постель усыпана опилками, недовольно присвистнул. Одним махом отряхнул сор, подумав, что надо бы сделать перегородку между мастерской и жилой частью.

«Надо бы сделать то, надо бы это», — тоскливо сказал он сам себе. Сколько хлопот, черт подери, разве дойдут руки до его главного дела?

Он закупорил уши ватными тампонами, и великое безмолвие поглотило его. Потушил свет, заполз под одеяло. Взглянув на часы со светящимся циферблатом, увидел, что стрелки показывают начало одиннадцатого.

«Отлично, — подумал он. — Можно будет встать пораньше».

Невилл лежал на кровати и глубоко дышал в темноте, надеясь, что скоро заснет. Но тишина ничуть не помогала. Перед глазами стояли их фигуры — мужчины с бескровными лицами рыщут около дома, все ищут и ищут лазейку, чтобы добраться до него. Некоторые, паверное, сидят на корточках, по-собачьи выгнув спины, блестящие глаза устремлены на дом, зубы скрипят, челюсти медленно движутся — туда-сюда, туда-сюда...

А женщины...

Черт побери! Неужели он опять начнет думать об ЭТИХ? Невилл резко перевернулся на живот, зарылся лицом в горячую подушку. Так он и лежал, тяжело дыша; по его телу время от времени пробегала легкая судорога. Скорей бы утро. Его губы твердили это каждую ночь. Господи ты боже мой, скорей бы утро.

Ему приснилась Вирджиния, и во сне он кричал, а его пальцы цеплялись за простыню, как когти обезумевшего льва.

В пять тридцать зазвенел будильник, и Роберт Невилл, еле-еле приподняв одеревеневшую руку, нажал на кнопку. Звонok утомонился.

Невилл потянулся за сигаретами, закурил, сел на постели. Через несколько минут встал, прошел в темную гостиную, осторожно припал к смотровому глазку.

На газоне перед домом застыли, как немая стража, темные фигуры. Прямо у него на глазах некоторые побрели восвояси, злобно изрыгая бессмысленные обрывки фраз. Вот и еще одна ночь миновала.

Он вернулся в спальню, зажег свет, оделся. Натягивая рубашку, услышал крик Бена Кортмана: «Выходи, Невилл!»

Вот и все. После этого отбоя они уходили, ослабевшие за ночь. Если только они не нападали на кого-нибудь из своих. Это случалось часто. Среди них не было единства. Их действиями управлял голод — и только голод.

Одевшись, Невилл сказал «уф», сел на кровать и набросал план на день:

Токарный станок в «Сирс».

Вода.

Проверить генератор.

Палки(?)

Обычные дела.

Завтракал наспех: стакан апельсинового сока, тост, две чашки кофе. Он покончил с едой за полминуты, жалел, что не хватает терпения жевать медленно.

Выбросив бумажную посуду в мусорный ящик, Невилл почистил зубы.

«По крайней мере, у меня сохранилась одна хорошая привычка», — подумал он в утешение самому себе.

Едва выйдя на крыльцо, он уставился на небо. Чистое, без едипого облачка. Сегодня можно выбраться в город. Замечательно.

Под каблуком зазаскрипели осколки зеркала.

«Ну что же, — чертыхнулся он про себя, — так я и знал, что эта хреновина разобьется. Попозже уберу».

Один труп валялся на дорожке; другой оттащили в кустарник. Трупы двух женщин. Они почти всегда выбирают женщин.

Невилл отпер гараж и вывел задним ходом свой «виллис» на свет божий, с удовольствием вдыхая жизненный утренний воздух. Открыл заднюю дверцу фургона. Надел плотные перчатки и подошел к женщине, лежащей на дорожке.

«При дневном освещении в них нет ничего привлекательного», — думал он, волоча труны по лужайке и швыряя их на брезентовую подстилку. В их жилах не осталось ни капли крови; цвет кожи у обеих был как у вытасканных из воды рыбеш. Он захлопнул дверцу.

Затем обошел газон, подбирая камни и кирпичи и складывая их в мешок. Закинув мешок в кузов, снял перчатки. Вернулся в дом, вымыл руки, собрал в дорогу обед: пару сэндвичей, немного печенья, термос с горячим кофе.

Покончив с этим, он сходил в спальню за сумкой с кольями. Повесил ее на плечо, застегнул пояс, на котором уже болтался деревянный молоток. И вышел из дома, заперев дверь на замок.

Сегодня утром он не будет тратить время на поиски Бена Кортмана — слишком много других дел.

Тут он вспомнил, что решил заняться звукоизоляцией дома.

«Нет уж, ну ее к черту, — подумал Невилл. — Завтра или в пасмурную погоду уснеется».

Он сел за руль фургона и заглянул в план. Первое: «Токарный станок в „Сирс“». Но, естественно, сперва надо избавиться от трупов.

Он завел мотор, быстро выехал на улицу и направился к Комптонскому бульвару. Там свернул направо, на восток. Дома по обеим сторонам бульвара были безмолвны, вдоль тротуаров выстроились пустые, мертвые автомобили.

Невилл скосил глаза на указатель топлива. Почти половина бака, но можно остановиться на Вестерн-авеню и наполнить его. Не стоит без особой нужды расходовать запас бензина, хранящийся в гараже.

Он заехал на тихую заправку и закачивал бензин себе в бак до тех пор, пока светло-янтарная жидкость не полилась через край на цемент.

Затем проверил масло, уровень воды, аккумулятор и крышки. Все в порядке. Его машина всегда в порядке — он бережет ее как зеницу ока. Если однажды она сломается и он не успеет добраться домой до заката...

Ну, об этом даже думать не стоит. Если такое однажды приключится, это верная гибель.

Он поехал дальше по Комптонскому бульвару, мимо высоких буровых вышек, через Комптон, по безмолвным улицам. Нигде не видно ни души.

Но Роберт Невилл знал, где все они сейчас.

Этот огонь не гас никогда. Приближаясь к конечному пункту, Невилл натянул перчатки и противогаз. Впереди расстилалась черная пелена дыма и копоти. В июне 1975-го все поле превратилось в гигантский котлован — настоящее огненное пекло.

Невилл остановил машину и выскочил, торопясь поскорей покончить с работой. Откинул задвижку, распахнул дверцу, выволок одно из тел, дотащил до края котлована. Поставил труп стоймя и спихнул вниз.

Тело, подпрыгнув, покатилося по крутому склону и врезалось в кучу дымящегося пепла на дне.

Учащенно дыша, Роберт Невилл бегом вернулся к фургону. Здесь ему всегда, даже в противогазе, чудилось, что не хватает воздуха.

Со вторым трупом он поступил точно так же, как и с первым. Швырнул вслед мешок с камнями, вскочил в фургон и рванул с места.

Отъехав на полмили, он содрал с себя противогаз и перчатки, кинул в кузов, жадно хватая ртом свежий воздух. Достал из ящичка фляжку, сделал долгий глоток. Виски обжег горло; потом Невилл закурил, глубоко затянувшись. Иногда выдавались недели, когда приходилось ездить к огненному котловану каждое утро, — и каждый раз ему от этого становилось дурно.

Где-то там лежит Кэти.

По дороге в Ингвуд Невилл остановился у супермаркета, чтобы занастись дистиллированной водой в бутылках.

Когда он вошел в безмолвный магазин, ему в ноздришибанул запах гниющих продуктов. Он торопливо пробежал с тележкой между рядами пыльных полок. Сильный запах разложения действовал на первых, приходилось дышать через рот.

Воду в бутылках он нашел в дальней части торгового зала. Там же обнаружилась дверь, ведущая на лестницу. Перетащив все бутылки в фургон, Невилл поднялся по лестнице. Возможно, наверху живет хозяин магазина. Почему бы не начать с него?

Их было двое. В гостиной на кушетке лежала женщина лет тридцати, в красном халате. Ее грудь медленно вздымалась и опускалась, глаза были закрыты, руки сложены на животе.

Пальцы Роберта Невилла стиснули кол и деревянный молоток. Когда они оказывались живыми, ему всегда было тяжело решиться. Особенно если это были женщины. Он чувствовал, как просыпается в нем бессмысленное вожделение, как напрягаются мышцы. Но поборол себя. Это только блажь, не имеющая никаких разумных оправданий.

Она не проронила ни звука, только хрипло глотнула воздух. Направившись в спальню, он услышал позади нечто похожее на журчание воды.

«Ну а что еще мне остается делать?» — спросил он себя. Он все еще не свыкся со своей ролью, все еще приходилось каждый раз убеждать себя, что он поступает правильно.

Невилл застыл на пороге спальни, уставившись на кроватку у окна; его кадык задергался, дыхание перехватило. Потом, овладев собой, подошел к кроватке и взглянул на девочку.

«Почему мне всегда чудится, что все они похожи на Кэти?» — подумал он, дрожащей рукой заноса второй кол.

Роберт Невилл медленно ехал в сторону магазина сети «Сирс». Чтобы забыться, он принялся размышлять, почему годятся только деревянные колья. И тут же вновь помрачнел. Просто курам на смех — пять месяцев провозиться с кольями и только сейчас задуматься над этой деталью.

Один вопрос тянул за собой другой. Интересно, как ему каждый раз удается безошибочно попадать в сердце? Их нужно поражать именно в сердце —

так пишет доктор Буш. Но ведь он, Невилл, в анатомии ни бум-бум, а вот, поди ты, получается...

Он наморщил лоб. Его бесило, что он так долго проделывал эти отвратительные операции, даже не задумываясь над механизмом их воздействия.

Тряхнул головой. Нет, нужно все неторопливо обдумать, сначала сформулировать все вопросы, а потом уже искать ответы. Все надо делать как следует, по-научному.

«Во-во, во-во, — подумал он, — это во мне проснулся старик Фриц». Так звали его отца. Невилл недолюбливал папашу и всю жизнь подавлял в себе унаследованную от него склонность к логическому, механистическому мышлению. Его отец до последнего вздоха исступленно отрицал существование вампиров.

В магазине Невилл выбрал токарный станок, погрузил его в «виллис», потом прочесал магазинные помещения.

Их оказалось пятеро. Они прятались в разных затененных уголках цокольного этажа. Одного Невилл обнаружил внутри выставленного на витрину холодильника. При виде высокого мужчины, лежащего в этом эмалевом гробу, Невилл не мог сдерживать смех — таким забавным показалось ему это укрытие.

А потом понял, что в этом мире совсем не осталось места юмору, раз его стали веселить такие вещи.

Часа в два пополудни сделал остановку, пообедал. Казалось, у всех продуктов чесночный привкус.

И это заставило задуматься, почему на них действует чеснок. Видимо, их отпугивает запах, но почему?

Странные они существа: днем не выходят на свет, от чеснока бегут как ошпаренные, умирают, если их тело пронзить колом. Считается также, что они боются крестов и сторонятся зеркал.

СОДЕРЖАНИЕ

Я — ЛЕГЕНДА

Перевод С. Силаковой

Часть первая. Январь 1976 года	7
Часть вторая. Март 1976 года	50
Часть третья. Июнь 1978 года	136
Часть четвертая. Январь 1979 года	185

НЕВЕРОЯТНЫЙ УМЕНЬШАЮЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК

Перевод С. Осипова 203

Матесон Р.

М 34 Я — легенда ; Невероятный уменьшающийся человек : романы / Ричард Матесон ; пер. с англ. С. Силаковой, С. Осипова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 480 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-24625-9

«Я — легенда» Ричарда Матесона — книга поистине легендарная, как легендарно имя ее создателя. Роман породил целое направление в литературе, из него выросли такие мощные фигуры современного литературного мира, как Рэй Брэдбери, Стивен Кинг... — двух этих имен достаточно для оценки силы влияния. Лучшие режиссеры планеты — Стивен Спилберг, Роджер Корман и другие — поставили фильмы по произведениям Матесона. Второй роман, вошедший в эту книгу, «Невероятный уменьшающийся человек», не менее знаменит, чем первый. Человек — песчинка перед темной мощью природы, но и эта малая молекула жизни всеми силами должна защищать себя, чтобы доказать и себе, и миру свое право на земное существование.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РИЧАРД МАТЕСОН
Я — ЛЕГЕНДА
НЕВЕРОЯТНЫЙ
УМЕНЬШАЮЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.08.2022. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 23,4.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боролеево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-АЗА-36576-02-1